

Отзыв

об автореферате диссертации Никодимовой Анны Дмитриевны
«ШАНТАЖ КАК ФЕНОМЕН ДЕСТРУКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ», Тверь – 2019,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.02.19 – теория языка

Диссертационная работа Никодимовой Анны Дмитриевны посвящена изучению шантажа как деструктивного феномена повседневной межличностной коммуникации. Выбор темы исследования предполагает работу на пересечении трех актуальных направлений в антропоцентрической исследовательской парадигме: теории коммуникации, теории дискурса и жанроведения. Обращение к изучению шантажа как разновидности (манипулятивного) психоэмоционального воздействия, шантажа как речевого жанра, выделение двух типов адресанта шантажа: шантажист-диктатор и шантажист-манипулятор, а также выявление стратегий коммуникативного поведения адресата шантажа, что, как верно отмечает диссертант, до сих пор является наименее изученным, позволяет надеяться на заполнение существующей лакуны и определяет **общую актуальность** работы А.Д.Никодимовой.

Теоретическая значимость работы состоит в дальнейшем развитии теории деструктивной коммуникации. Данное исследование может послужить дальнейшему развитию теории речевых жанров, в частности внести вклад в изучение системности речевых жанров, способствовать решению проблемы вариативности речевых жанров. Выделенные автором параметры коммуникативного поведения различных типов шантажистов могут быть использованы для анализа других типов деструктивных коммуникативных личностей.

Научная новизна работы обусловлена утверждением, что в настоящее время слово 'шантаж', выйдя за пределы юридической терминосистемы, изменило свою семантику, которая пока не зафиксирована в толковых словарях, и описанием шантажа как деструктивного коммуникативного феномена, реализуемого в межличностном повседневном-бытовом общении.

Практическая ценность работы определяется не только возможностью использования ее материалов и результатов в вузовском преподавании, но и необходимостью учета ее результатов при анализе деструктивной коммуникации в рамках комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз, в практической психологии.

Достоверность результатов исследования подтверждается достаточным и исчерпывающим объемом материала (более 1500 контекстов, в которых представлены средства описания или выражения шантажа, и результаты анкетирования), использованием адекватной методики исследования, разнообразием научных источников, системным подходом к изучаемым явлениям.

В качестве важного достоинства рецензируемой работы можно отметить четкость терминологического аппарата, простоту изложения, яркий и грамотный язык. Структура работы логична и оправдана, она соответствует цели, задачам и логике исследования. Избранная модель анализа материала, положенная в основу диссертации, обуславливает

ее структуру. Сформулированные во введении положения, выносимые на защиту, последовательно доказываются в тексте диссертации. Первая глава посвящена теоретико-методологическим основам изучения шантажа, где анализируются различные исследовательские подходы. Следует отметить, что при этом соискатель демонстрирует не только свою начитанность, но и умение анализировать, сопоставлять разные точки зрения. Все это свидетельствует о ее готовности и способности вести научные исследования. Первое положение, выносимое на защиту, последовательно и аргументированно доказывается во второй главе, аргументации остальных положений посвящена третья глава, которая представляется особо интересной и значимой в работе. Автор вполне убедительно показывает разные типы «шантажиста» и мотивированно выделяет разные стратегии поведения «жертвы» шантажа. Эта работа содержит массу интересных наблюдений, подтверждающих заявленную гипотезу. Однако в работе встречаются некоторые (частные) утверждения, с которыми я не могу согласиться.

1. Так, описывая, со ссылкой на анкету Т.В.Шмелевой, жанрообразующие признаки шантажа, автор пишет: «Коммуникативное будущее подразумевает правильную интерпретацию шантажа, его декодирование и **ответную реакцию адресата в форме подчинения или неподчинения**» (с.12). Такое понимание коммуникативного будущего противоречит точке зрения Т.В.Шмелевой, по мнению которой, образ коммуникативного будущего «предполагает дальнейшее развитие **речевого события**, воплощающееся в появлении других РЖ» (Шмелева, 1997, с. 97). Представляется, что автор диссертации говорит о событийном будущем (подчинение или неподчинение), а не о коммуникативном (речевой реакции).

2. Не могу согласиться с А.Д. Никодимовой и в том, что существует прямой способ выражения угрозы (с.13). На мой взгляд, (который я изложила в статье *Угроза как речевой жанр // Функциональный анализ значимых единиц русского языка. Новокузнецк, 1992, с.6 – 11*), все угрозы имеют косвенное воплощение, они маскируются под другие жанры: жанр обещания (*Я тебе отомщу; Я тебя убью*), жанр вопроса (*Тебя не волнует судьба дочери?*), предупреждения и др. Использование прямого способа выражения жанра – перформатива *угрожаю* – привело бы к «иллюквативному самоубийству» (по Вендлеру). Предосудительный характер этого жанра не позволяет угрожать впрямую. Не случайно типична ситуация вопроса: *Ты мне угрожаешь?* и ответа: *Нет, я только предупреждаю*. Кроме того, как всякая интересная работа, данное исследование вызывает и ряд вопросов, которые, возможно, не появились бы при знакомстве с полным текстом диссертации, и вопросов «на перспективу».

1. Можно ли говорить о наличии какой-либо корреляции между типами «шантажиста» и стратегией коммуникативного поведения «жертвы» шантажа?
2. Хотелось бы еще раз уточнить соотношение угрозы и шантажа. С одной стороны, автор на с.11 пишет: «Установлено, что шантаж и угроза находятся в родовидовых отношениях, при этом понятие угрозы является гиперонимом для понятия шантаж. Всякий шантаж в обязательном порядке включает в себя угрозу, но не всякая угроза является шантажом». С другой стороны, на с.8 автор утверждает: «В диссертации аргументируется возможность рассмотрения шантажа и угрозы как речевого жанра и субжанра, соответственно». Так, что

представляет собой угроза: гипероним, т.е. понятие более широкое, или субжанр, понятие более узкое, компонент более крупного жанра?

3. В работе сказано, что понятие шантажа в бытовой сфере меняет свое содержание. Если можно выделить шантаж в разных сферах (политической, экономической, бытовой, массмедийной и пр.), то интересно было бы обсудить вопрос: это разные жанры или варианты одного и того же жанра? Что в таком случае является инвариантом жанра?

Данные вопросы высказаны в плане научной дискуссии, они ни в коей мере не снижают ценности выполненной работы.

Текст рецензируемого автореферата, по моему мнению, дает достаточные основания для утверждения о том, что диссертация Никодимовой Анны Дмитриевны «ШАНТАЖ КАК ФЕНОМЕН ДЕСТРУКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ», полностью соответствует всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 10.02.19 – теория языка, а ее автор, в соответствии с требованиями п.9 Положения о присуждении ученых степеней, заслуживает искомой степени кандидата филологических наук.

11.02.2019.

Доктор филологических наук, профессор

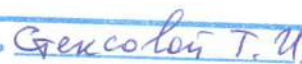
 Татьяна Ивановна Стексова

Профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Новосибирский государственный педагогический университет»
(ФГБОУ ВО «НГПУ»)

630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, корпус 3

моб. +7 9139498776

e-mail: steksova@inbox.ru

Подпись Т.И.
Удостоверяю. Зав.канцелярией
